

Анн Филип

Жерар Филип

Одно мгновение... И жизнь после него

Интервью с дочерью легендарного актера Анн-Мари Филип

Предисловие Сергея Николаевича

**Издательство АСТ
Москва
2020**

ОГИЗ

УДК 791.071.2:929 Филип Ж.
ББК 85.374(3)-8 Филип Ж.
Ф53

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат ООО «Издательство АСТ».
Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Фотоматериалы предоставлены ООО «Восток Медиа»
(TopFoto/Vostock Photo,
INTERFOTO/Vostock Photo,
Lebrecht Music & Arts/Vostock Photo,
ullstein bild/Vostock Photo)

Перевод *Кирры Серверовой*

Филип, Анн.

Ф53 Одно мгновение — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 208 + [16 вкл.] с.: ил. — (*Судьба актера. Золотой фонд*).

ISBN 978-5-17-116779-0

Книга «Одно мгновение» написана Анн Филип, вдовой известного актера, иконы послевоенного французского кинематографа — Жерара Филипа. Его жизнь оборвалась в тридцать семь лет в самом зените славы.

Судьбой им была уготована недолгая, но зато очень яркая и счастливая совместная жизнь. Анн Филип пережила своего мужа на тридцать лет, сохранив до конца верность их всепоглощающей любви.

«Одно мгновение» — бесконечный монолог женщины, обращенный к умершему мужу, к тому, кого она бесконечно любила при жизни и продолжала любить после его смерти.

Эта история глубоко исповедальна. В ней переплетены два рассказа, два разных взгляда — жены и дочери великого актера.

**УДК 791.071.2:929 Филип Ж.
ББК 85.374(3)-8 Филип Ж.**

© Éditions Robert Laffont, S.A., Paris, 1950
Published by arrangement with Lester Literary Agency
© Ю. Л. Козлова, 2019
© С.И. Николаевич, предисловие, 2019
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2020

ISBN 978-5-17-116779-0

Сентиментальное воспитание

*посвящается Жерару Филипу
и всем, кто его любил*

Первое впечатление от него — ослепительный, бьющий прямо в глаза солнечный свет.

Просто какой-то залп света. Сияние улыбки, светлых глаз, стального клинка сабли, которой он весело размахивал перед носом врагов. Я не успеваю следить за его невесомыми перемещениями по экрану — вверх-вниз, вправо-влево... Конечно, к реальному бою этот балет на черепичной крыше не имел никакого отношения. Но разве можно его забыть?

Фанфан-Тюльпан — роль настоящей звезды. После нее Жерар Филип стал всемирно знаменит. И в массовом сознании эти имена соединятся навсегда: народный весельчак в начищенных ботфортах со сверкающей саблей в руке и неотразимый лицедей, первый артист послевоенной Франции.

В нем все было прекрасно: и эти непокорные вихры, торчавшие во все стороны, и трогательно оттопыренные мальчишеские уши. Говорят, что когда Филипп только начинал свою карьеру в кино, ему их специально подклеивали скотчем. Он не любил скандалить и портить всем настроение, но в ходе съемок незаметно отдирал клейкую ленту, и уши принимали привычную форму.

...Сейчас отсюда, с нынешнего берега жизни, его Фанфан-Тюльпан, как и другие экранные герои, кажется сказочным персонажем, о котором страстно хочется написать. Будто речь идет о ком-то близком, кого ты знал лично.

Может, дело в его облике, так прочно врезавшемся в мою детскую память, — обольститель с галльским острым профилем, великолепный фехтовальщик, стремительный и безошибочный, как выпад его рапиры? И глаза, в которых плескалась вся синева Средиземного моря. Голос, раскатистый, глубокий баритон, поставленный на Корнеле, Расине и Камю. И эта его обаятельная ирония, оставившая несколько смешливых морщин на его всегда молодом лице.

«Всегда» — смысл этого слово я во многом узнал благодаря Жерару Филиппу. По-французски *toujours*.

...Впервые я увидел его на экране клуба «Красные текстильщики». Этого клуба больше нет. Как нет и здания на Берсеневской набережной, построенного из прокопченного пролетарского кирпича. Его снесли ради каких-то лужковских затей. Но в начале 70-х годов это было едва ли не самое любимое мое место в Москве. Настоящие синефильские катакомбы, тайное прибежище для тех, кого кино интересовало больше жизни. Жизнь была зачастую грустной, но кино-то — прекрасным!

Случайные зрители в «Текстильщиках» попадались редко. Только посвященные. Держались замкнуто, своим кругом, не подпуская к себе чужаков. Одеты были подчеркнуто бедно. Носили все поголовно очки с сильной диоптрией. Некоторых из завсегдаев «Красных текстильщиков» я потом встречал в курилке Ленинской библиотеки, на дешевых местах в консерватории, на последних сеансах фильмов «Осень» и «Зеркало» в каких-то окраинных кинотеатрах. Среди них я чувствовал себя слишком благополучным, слишком прилизанно-приличным. Не было во мне их бессонного безумия, их воспаленных глаз, их баснословных знаний, позволявших с ходу назвать год выхода того или иного шедевра или отличать оригинальную версию фильма от той, что была погромсана цензурными ножницами в Госкино.

До меня доносились их негромкие диалоги в буфете. Как правило, они приходили со своими термосами и бутербродами. И эта их особая еда, и разговоры, где невзначай мелькали имена Андрея Тарковского, Майи Туровской, Сергея Аверинцева или Бернарда Бертолуччи, представлялись мне невероятно притягательными, не идущими ни в какое сравнение с общепитовским меню и моим скучным школьным существованием. Однажды мама, поймав мой голодноватый взгляд, брошенный в сторону чужих бутербродов, не нашла ничего лучше, как прихватить в очередной наш совместный поход кисть золотистого осеннего винограда. Когда она его достала из сумки, мне стало ужасно неловко из-за его янтарного нуворишевского сияния, особенно по контрасту со строгой аскезой соседних столов.

Теперь я понимаю, что эти скромные трапезы были чем-то вроде причащения к святым дарам Большого кино. Их надо было заслужить абсолютным послушанием и смирением, которые мне были не даны. И люди за соседними столами об этом наверняка догадывались, хотя вряд ли я мог быть им так уж интересен.

...Мы начали ходить с мамой в «Текстильщики» в год, когда умер папа, — 1971. Эра видеокассет

еще не наступила, и мама каким-то чудом выискивала фильмы с Филипом, давно сошедшие с экрана. Тогда их можно было увидеть еще в Кинотеатре повторного фильма или в «Иллюзионе» на Котельнической набережной. Но там они шли редко, чаще — в «Красных текстильщиках».

Почему-то ей казалось, что папа с Филипом чем-то похожи.

Со стороны это могло показаться бредом травмированного сознания, тем не менее эти сеансы ей были необходимы, почти как наши еженедельные походы по субботам на Ваганьковское кладбище. Сейчас я вспоминаю наши поездки через весь Калининский проспект на троллейбусе №2, а потом пешком через Каменный мост под ломким зонтиком, который норовил вырваться из рук. Как правило, мы шли молча. Каждый хранил свою тайну, отделявшую нас от остального мира непроницаемой стеной. Стеной слез, которых никто никогда не видел. В нашей семье не принято было выражать открыто эмоции. Просто двое под одним зонтом — мать и сын. Еще молодая женщина и подросток направляются в кинотеатр, чтобы посмотреть очередной фильм с Жераром Филипом.

Мне-то сходство казалось довольно сомнительным. Отчетливо совпадал только диагноз, от которого они оба умерли: цирроз печени. Филип

в 37 лет, папа в 39. Но я понимал, что с мамой лучше этой темы вообще не касаться. В конце концов, у каждого свой способ справляться с горем. Все, что от меня требовалось, это просто быть рядом, держать зонт над нашими головами и не слишком нудить, даже если фильм показался мне не слишком удачным. А такие тоже, как выясняется, были в длинной фильмографии Филипа.

Не помню, чтобы мы тогда что-то подробно обсуждали. Просто советский уют «Красных текстильщиков» и это прекрасное лицо, сияющее во тьме с черно-белого экрана, давали слабую иллюзию какого-то утешения, короткой передышки, когда можно обо всем забыть, даже о своем горе. Мы погружались с головой в любовные перипетии «Месье Рипуа», отдавались искрометным фантазиям «Ночных красавиц», смаковали элегантную интригу в «Больших маневрах».

Это было даже как бы и не совсем кино, а что-то вроде психотерапевтического сеанса, после которого мы шли домой, умиротворенные и благостные. И даже вечерний воздух вокруг фабрики «Красный Октябрь» на другом берегу, пропитанный сиропным ароматом и ванильной эссенцией, наполнял душу какой-то странной осенней сладостью.

Фильмы Филипа — это чистая романтика 50-х. Его облик легко вписывался в любую эстетику и лю-

бой жанр. Это про него сказала знаменитая парижская дива Эдвиж Фаейр, когда он пробовался одновременно на роли Дьявола и Ангела в спектакле «Содом и Гоморра»: «Ну какой он дьявол? Он, конечно, ангел!» Она знала толк в мужской красоте.

Впрочем, спустя несколько лет Филип сыграет и Дьявола в фильме Рене Клера. Была в нем эта волнующая и влекущая смутность: сегодня ангел, завтра дьявол. Но всегда искунитель, соблазнитель, притворщик... Артист, одним словом.

«Я видела, как он играет в жизни, — вспоминала его партнерша Сильвия Монфор. — С пугающей жадностью. Он хотел, чтобы ему принадлежали все увиденные им на пути игрушки, даже те, которые у него могли отобрать, отдать обратно и снова отобрать, даже те, которые ему не хотели давать вовсе. Его глаза, его руки овладевали ими немедленно, делая их его несомненной собственностью. Я видела, как он забавлялся ручками на дверцах автомашины, стеклами поездов, веревочками, шнурками, из которых он делал себе галстуки на парадные приемы, снежками в Праге, ракушками, использованными для изображения дискотеки на древнем стадионе Эпидавра, стаканами, наполненными водой, которую он выплескивал мне в лицо, водкой, когда воды не было под рукой. Я видела, как он забавляется только что купленной

им небольшой грузовой автомашиной. Он ездил в ней по центральной улице Руана в течение часа после окончания спектакля “Сид”. Я видела его играющим в волейбол в замковом парке, где по вечерам мы давали спектакли. Он играл словами, играл тем, что было важным для других. И эта вечная игра делала — кстати и некстати — смешными тех, кто отказывался принимать в ней участие».

В Японии Филипа называли «самураем весны». С самого начала было предчувствие, что его весна не продлится долго и самурай рано или поздно должен будет сделать себе харакири. А иначе какой он самурай?

Неизвестно, что по этому поводу думал сам Филип. Полагаю, что, будучи красивым и не слишком выносливым физически с самого рождения, он привык, что все вокруг него кружат, все поголовно в него влюбляются. И женщины, и мужчины. И заискивают, и одаривают разными дорогостоящими ненужностями, и придумывают разные восторженные эпитеты, соревнуясь друг с другом за его мимолетную улыбку, за благосклонный взгляд, за формальную похвалу.

О, это кружение вокруг чужого звездного сияния! Как притягивает оно однодневных мотыльков и разную другую живность, бесстрашно устремляющихся на свет, на огонь, на пламя.

И опасно, и тревожно и прекрасно. Ресницы трепещут, морщинки улыбаются, глаза горят... И все. Готово. Смертельный номер исполнен. Повторить на бис не удастся. Потому что сгореть в этом сиянии можно только один раз.

Николь Фуркад совсем не проходила по разряду мотыльков. Она была женщиной с характером, с крутым, умным лбом, с твердым, уверенным рукопожатием. К тому же она была замужем. У нее рос сын. Интеллектуалка из поколения поклонниц Симоны де Бовуар и Жана-Поля Сартра. Особая порода женщин послевоенного времени. Война пронеслась совсем рядом. И если не ранила навывлет, как многих других, то жила в подсознании, заставляя острее и яростнее проживать свою единственную жизнь.

Все они хотели жить на полную катушку, не оглядываясь назад, не думая о той тьме, которая поглотила жизни их близких и друзей. Кто предатель? Кто герой? Кто сотрудничал с нацистами? А кто отсиживался за закрытыми ставнями, позволяя злу торжествовать на улицах Парижа? Это вопросы, на которые до сих пор нет однозначных ответов. А тогда, в конце сороковых, их боялись даже себе задавать.

Лучше об этом было вообще не думать, а наслаждаться весенним цветением каштанов на Сен-

Жермен, силуэтами new look от Диора, простодушной радостью жить, любить, влюбляться. Вот из этого весеннего парижского воздуха, наэлектризованного ожиданием счастья, и возникли миф Жерара Филипа и легенда о его великой любви с Анн. Именно так он ее называл. После развода она не только поменяет фамилию, но и имя. Отныне она будет Анн-Николь Филип. Но об этом чуть позже.

... Итак, он — звезда. Таких до него не было и не будет. Нет, конечно, рядом располагался Жан Габен, суровый, непреклонный и непотопляемый, как скалы Этреты. Был Жан Маре, успешно переквалифицировавшийся из эстетского принца, созданного любовью и пиаром Жана Кокто, в масс-маркетового Фантомаса.

Был Ив Монтан, поющий про осенние листья и о том, что все хорошо (*C'est si bon*), под испытующим и недоверчивым взглядом Симоны Синьоре — еще одна великая пара века!

Много позднее появятся Делон и Бельмондо — звезды другого поколения и другого замеса.

Никто из них не станет ни Принцем Гомбургским, ни Сидом, ни Лоренцаччо. Никто не рискнет примерить на себя бархатный колет и белоснежный отложной воротник романтического героя.

В лучшем случае, как это сделает Делон, — только шляпу и плащ Самурая.

И сразу обнаружится очевидный контраст: герой Делона — человек ночи, а Филипа — герой утра.

Делон — отрешенность, холодность, беспощадность. Филип — открытость, незащитность, импульсивность. Делон — долгие зимние сумерки, собаки, похожие на волков, беспросветное одиночество, скрашиваемое воспоминаниями о великих женщинах, которые его любили. А Филип — это, конечно, май, Париж, столик на террасе где-нибудь в *Café de Flore* или *Les deux Magots*, и все его женщины рядом, щебечут, воркуют, злословят. Он в центре этого веселого птичника, этого благоухающего цветника. Филип любил женщин, всеми силами стараясь при этом избежать дурной мелодрамы объяснений и расставаний. Ему с лихвой хватало этого в кино.

Мария Казарес, Даниэль Делорм, Мишлин Прель, Мишель Морган, Жанна Моро — партнерши, возлюбленные, «глаза напротив».

Во французских артистических кругах принята фривольная легкость любовных связей и всегдашняя готовность к новому роману. Тут у всех до очень преклонных по нашим меркам лет идет очень интенсивная любовная жизнь. Все друг с другом схо-